

18+

Кира Лалори

Рифмономикон

Заметки
Сумасшедшего

Кира Лалори

Заметки Сумасшедшего.

Рифмономикон

<https://litres.ru/74503322>

ISBN 9785007126601

Аннотация

Механизмы судьбы безжалостны, а человеческая природа — лишь пустой сосуд для тех, кто обитает по ту сторону зеркал.

В этих строках скрыт истинный облик вещей: пустота, питающаяся страхами, бессмертие, ставшее изощрённым проклятием, и демонический симбиоз, навсегда меняющий плоть. Творцы здесь расплачиваются чужими жизнями, а безумие становится единственным способом увидеть настоящую картину мира.

Добро пожаловать за кулисы мироздания.

Содержание

Заметки Сумасшедшего	5
Ключник	5
Латунное Сердце	12
Волшебный Фонарь	18
Костяной Алтарь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Заметки Сумасшедшего Рифмономикон

Кира Лалори

Иллюстратор Ms.Lulling

Дизайнер обложки Ms.Lullaby

© Кира Лалори, 2026

© Ms.Lulling, иллюстрации, 2026

© Ms.Lullaby, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2660-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заметки Сумасшедшего

Ключник

Внизу, под асфальтом, где город гниёт,
И стоками плачет в объятья каналов,
Сидел человек, потерявший счёт лет,
Оглохший от визга и лязга металлов.
Каморка пропахла латунной пылью,
Машинным расплавом и старой слюдою.
Старик был сутулым, с рубцом над губой,
С глазами, промытыми ржавой водою.

Он делал ключи. От квартир и от касс,
От пыльных шкатулок, от камер острога.
Он видел в металле связующий паз,
И в ремесле этом был вместо Бога.

Но было в профессии тайное зло.
Когда раскалялся резец до предела,
В кольцо заготовки, как будто в стекло,
Смотреть запрещалось. Но всё же хотелось.
Творец иногда подносил к глазу ключ,
Ещё не остывший, хранящий вибрации.

И сквозь этот маленький, узкий обруч
Он видел изнанку людской декорации.

Сковав ключ от спальни — он видел во тьме,
Как нечто с паучьей, кривою спиною
Сидит на груди у жены в полусне
И дышит в лицо ей сырой паутиною.
Сковав ключ от банка — он видел подвал,
Где золото жрали безглазые черви.
Он видел. Боялся. И тупо молчал,
Храня свои тайны в стальном интерьере.

Ноябрьской ночью, когда даже снег
Казался чернее обычного пепла,
Ступенями скрипнул слепой человек...
Иль просто фигура, что в сумраке слеpla.
В дверях появился сухой силуэт,
В пальто необъятном, проеденном молью.
Не скрипнули петли. Не дрогнул паркет.
В камерке запахло гвоздикой и солью.

«Мне нужен дубликат», — он произнёс,
Слова обронив, как сухие опилки.
И странный предмет на столешницу снёс —
Кусочек чернеющей, странной отливки.
То был оттиск скважины. Чёрный сургуч,

А может быть, плоть неизвестных рептилий.
«Сумеешь ли выточить правильный ключ?
Я щедро плачу. И без лишних усилий».
На стол перед мастером брякнул кошель,
В котором монеты не звякали — были.

Старик взял тот слепок. Он был слишком сложен.
Не ровный зигзаг, не простая деталь —
В нём хаос извилин был страшно заложен,
Сплетаясь в тугую, больную спираль.
В нём корни с шипами, двойная резьба,
Внутри него словно бы тихо стонали.
И мастер кивнул, ведь такая судьба...
Заказчик исчез, растворившись в печали.

Оставшись один, он встал за станок,
И выбрал металл — ледяной и блестящий.
Но сплав упирался. Он резался впрок,
Скрипел под фрезой, словно зверь настоящий.
Станок завизжал, будто резали кость.
Сверло обломилось, сверкая осколками.
Кузнец вбивал в сердце фантомную злость,
Работая надфилем, словно иглками.

Металл упирался. Он пачкал ладонь,
А стружка шипела, прожигая одежду.

Но в мастере вспыхнул рабочий огонь —
Он выточит ключ, оправдав ту надежду!
К утру, когда пальцы стёрлись до ран,
И пот застилал покрасневшие веки,
Лежал на столе идеальный титан.
Ключ был готов. И затихли помехи.

Тяжёлый, зубчатый, похожий на клык,
Изъятый из челюсти мёртвого бога.
В нём прятался чей-то задушенный крик,
В нём спала гнетущая разум тревога.
Старик, замирая, взял ключ со стола.
Привычка взяла над рассудком контроль.
Поднёс ушко к глазу. И лампа ушла.
Осталась лишь тьма и фантомная боль.

Сквозь узкое кольцо он увидел простор.
Там не было комнаты, шкафа иль сейфа.
Там был бесконечный, живой коридор
Из плоти гниющей незримого шлейфа.
Стенанья бесчисленных сорванных связок,
Сплетенье конечностей, бледных, слепых.
Там не было жизни, там не было сказок,
Там бездна смотрела из впадин пустых.

И в центре — ОНО. Как нависший карниз,

Из тысяч ртов и разверстых гортаней.
Оно поджидало, спускаясь всё вниз,
Скрываясь в густом, тошнотворном тумане.
Оно ожидало, когда упадёт
Последний затвор, отделяющий наши миры.
И вдруг... эта масса рванула вперёд,
Из каждой зияющей чёрной дыры!

Кузнец отшвырнул этот проклятый ключ!
Упал на колени, сбивая дыхание.
Он был так наивен. Он был так везуч...
До этого жуткого часа создания!
Он понял весь ужас, пришедший к нему.
Он вспомнил изгибы. Он вспомнил спирали.
Тот оттиск не в банк, не в чужую тюрьму.
Его не в чужие двери вставляли!

Тот слепок был точной, детальной копией
Замка, что висел на его же двери!
Замка, что откован был против стихии,
От тварей, что ждали свой час изнутри!
Тяжёлого, мощного, с тайной резьбой,
Который он сам для себя разработал,
Чтоб отгородиться от мира стеной,
Чтоб липкий кошмар его душу не глодал.

Оно не могло в этот мир проскользнуть.
Замок был надёжен. Охранная руна.
Оно — заказало ему этот путь!
Его же руками порвалась струна!

Снаружи раздался скрежещущий шаг.
Ступень за ступенью. Всё ниже и ниже.
Старик отступал в леденеющий мрак,
А нечто к порогу спускалось всё ближе.
Под дверью скользнула чернильная тень,
Повеяло солью, гнилой древесиной.
Закончилась ночь, но не начался день.
В камерке запахло болотной трясинной.

Из-под двери, тонкой нитью смолы,
Протиснулось щупальце, бледно-слепое.
Нащупало стружку, стальные углы,
Нащупало лезвие в луже покоя.
Нащупало ключ, что лежал на полу.
Обвило. Втянуло под щель, за порог.
Творец закричал, забиваясь в углу,
Смотря, как сбывается гибельный рок.

Снаружи вздохнули. Утробный смешок
Раздался в подъезде, проклятьем звуча.
Раздался щелчок. И стальной язычок

Послушно вошёл в пазы от ключа.

Дверь медленно дрогнула. Жалобно скрипнула.
И бездна шагнула к нему на порог.

Латунное Сердце

Свинец небес давил на крыши зданий,
Тянулся смог из труб, как грязный шёлк.
Был город полн гнетущих ожиданий,
И в подворотнях стон бродяг умолк.
Век шестерён, цилиндров и мазута
Коптил фасады, отравляя кровь.
А для меня застыла здесь минута,
Убив надежду, веру и любовь.

В моём кармане мёртвою колодой
Лежал брегет, застыв на цифре «три».
И вместе с этой сломанной природой
Остановилось что-то изнутри.
Я брёл сквозь дождь, стирая в кровь подошвы,
Туда, где гниль въедалась в кирпичи.
Среди аллей, где прятались вельможи
И резали друг друга лихачи.

В конце слепой и узкой горловины
Качался знак — огромный циферблат.
В нём стрелки, словно ржавые лучины,
Манили в свой хронометричный ад.
Я приоткрыл дубовую калитку,

Раздался звон, как поминальный стон.
Здесь время превратили в злую пытку,
Здесь каждый угол был порабощён.

Стучали сотни маятников в такт,
Сплетаясь в монотонный, жуткий ритм.
Здесь не было ни таинств, ни преград,
Лишь сухой треск механических молитв.
Сквозь пыль веков, сквозь запах канифоли,
Машинных масел, меди и сурьмы,
Возник старик, не ведающий боли,
Владыка этой тикающей тьмы.

Глаз был сокрыт в стальном монокуляре,
А пальцы — как изящный инструмент.
Он жил в своём искусственном угаре,
Где вечностью становится момент.
«Мои часы... — пробормотал я хрипло,
Клеёнку мокрую сжимая на груди.
— В них сердце благородное погибло,
Ты механизм, молю, освободи».

Он взял брегет. Скривились тонко губы.
Раздался скрежет сжавшейся пружины.
Он вскрыл его, как будто резал трупы,
Разбив стекло в преддверии кончины.

«Они мертвы, — ответил голос сух,
Как скрежет шестерён в пустых часах.
— Но дело не в металле, милый друг.
Поломка в вас. В слепых, живых сердцах.

Вы сбились с такта. Ваша плоть гниёт.
Стучит в груди аритмией беда.
И этот жалкий, сбивчивый завод
Вас приведёт в могилу навсегда».
Я вспыхнул гневом, бросился к дверям,
Но воздух стал тяжёлым, как свинец.
Прилипли ноги к доскам и гвоздям,
Я осознал: вот здесь мне дан конец.

Смолистый дым из медной курильницы
Сковал гортань, парализуя нерв.
Я падал в бездну, не сомкнув ресницы,
Как брошенный на стол недвижимый стерв.
«О, не дрожите. Плоть — такая мерзость.
В ней столько слизи, хаоса, воды.
Я проявлю спасительную дерзость,
Избавлю вас от этой ерунды».

Сверкнуло шило. Врезав мне грудину,
Раздвинул он ключицы, как щипцы.
Впустил сквозняк в живую паутину,

Где бились вен кровавые концы.
Я выть не мог. Лишь судорога глаз
Кричала о чудовищных мученьях.
А часовщик, свершая свой заказ,
Копался в окровавленных сплетеньях.

«Какая грязь...» — он вырвал моё сердце.
Комок из жил, пульсирующий страх.
Оно забилося в страшном иноверце,
В его костлявых, старческих руках.
Он бросил плоть мою в большое сито,
Где плавали такие же сердца.
И кровь стекала медленно и сыто,
Питая мрак без края и конца.

А из ларца он вынул шестерни,
Латунью блестящий, новенький мотор.
«Смотри, мой друг. В них больше нет вины.
В них идеален каждый косогор».
Он вставил медь в зияющую рану.
Прибил пружину к хрящику гвоздём.
И прикрепил к невидимому крану
Клубок из проволок, горящих серебром.

Ввинтил мне в лёгкие тугие меха,
Защёлкнул на груди стальной замок.

Лишив сомнений, боли и греха,
Он преподал мне вечности урок.
«Завод на век», — пропел он, вставив ключ
Мне в грудь, под ключицу, со скрипом повернул.
И ток прошёл, как раскалённый луч,
Я в новом теле с ужасом вздохнул.

Тик-так. Тик-так. Внутри стучал металл.
Мой пульс исчез. Остался только ход.
А часовщик мне кожу залатал,
Закрыв в груди зияющий проход.
Дурман спадал. Я встал с его стола,
Не чувствуя ни холода, ни жара.
Моя душа, что раньше в теле жгла,
Исчезла в дыме этого угара.

И тут я понял, вглядываясь во тьму:
Вдоль стен стояли вовсе не часы!
Сквозь бронзу, медь и плотную тесму
Смотрели человечьи мертвецы.
Манекены, зашитые в костюмы,
С глазами из стекла, качали головой.
Их животы скрывали те же трюмы,
Где тикал механизм, бездушный и слепой.

Они стояли, запертые в вечность,

Отдав свою органику во мрак.
Старик забрал их боль и человечность,
Взамен оставив лишь пустой тик-так.
«Вы идеальны, — прошептал творец.
— Идите в мир. Несите точный счёт.
Вы больше не сорвётесь, молодец,
И время вас отныне не убьёт».

Я вышел вон, под морозящий дождь.
Тяжёлый шаг. Металла мёртвый лязг.
Во мне теперь не закипает дрожь,
Избавлен от земных и жалких дрызг.
Теперь я тень. Я холод ржавых луж.
В моей груди не бьётся, а стучит.
И если в городе замрёт одна из душ,
Знать, это я пришёл за ней в ночи.

Я вырву сердце. Выпью ваш завод.
Мне для пружин нужен горячий жир.
Ведь мой латунный, дьявольский живот
Обязан тикать, пожирая мир.
А там, во мраке, в царстве канифоли,
Смеётся тот, кто выкрал мою суть.
Ищите знак... Избавитесь от боли.
Но не пытайтесь время обмануть.

Волшебный Фонарь

Я воскрешал изломанные вещи,
Чинил щиты, клинки, колокола.
В моих тисках, где сталь была зловещей,
Свистела пыль и плавилась смола.

Я в строй вводил кареты и мушкеты,
Чинил органы, трости и весы.
И даже золочёные лорнеты
Небесной, поразительной красы.

Но как-то раз из серого тумана
Ко мне зашёл простуженный старик.
Принёс фонарь, изъятый из кургана,
Где бронзой скалился ужасный лик.

«Он не горит, — шепнул он, отступая. —
В нём больше нет сияния огня».
Исчез во тьме, как тень земли слепая,
Оставив с этой мерзостью меня.

Я взял фонарь. Холодный, скользкий сплав,
Где вместо рун — сплетение костей.
Я вскрыл замок, всё с силой разорвав,

Чтоб заменить источник для теней.

Открыл затвор. И выронил пинцет.
Там не было фитильной бахромы.
Там плавал глаз, струящий бледный свет,
Живой кусок пульсирующей тьмы!

От линзы к нервам шёл тугой сургуч,
Я прикоснулся к влажному стеклу.
И глаз зажёгся! Мертвенный, злой луч
Ударил в стену, прорезая мглу.

Из линзы лился необычный свет,
А вязкий текст забытого псалма.
И каждый новый вспыхнувший куплет
Сводил мой разум медленно с ума.

Луч разбивался на кривые строки,
А не полосками, во тьму скользя.
Взлетая хаотично, столь жестоки,
Смотреть на это смертному нельзя.

Те строки вылетали чёрным дымом,
Заполнив всё вокруг сплошной стеной.
И я стоял в кошмаре нестерпимом,
Охваченный удушливой волной.

Я кашлял кровью гибельных заклятий,
Слова внутри царапали гортань.
Средь мастерской, ремней и рукоятей,
Я сам шагнул за ледяную грань.

Теперь я страж оптической темницы,
Где плачет глаз, транслируя свой яд.
И из моей оторванной глазницы
Струится тот же дымный, чёрный ад.

Костяной Алтарь

Тяжёлый смог, как саван шерстяной,
Сдавил кварталы кирпичной тесноты.
Был этот город болен тишиной,
Где задыхались чахлые мосты.
Век механизмов, пара и угля
Коптил стекло в бесчисленных домах.
Здесь даже камни пахли, как земля,
Храня в себе первопрестольный страх.

Я брёл во тьме. Меня сжирал недуг.
Мой правый нерв, пульсируя, пылал.
Сковал мне скулы агонии испуг,
Я, как скулящий пёс, слюну глотал.
Искал спасенья в сумрачных дворах,
Среди брусчатки, слякоти и луж,
Туда, где на проржавленных штырях
Качался знак — спаситель грешных душ.

Эмалевый, надколотый резец
Блестел в лучах неярких фонарей.
Я постучал. Шагнул во мрак, сулящий мне конец,
За грань тяжёлых кованых дверей.
В прихожей время замерло в пыли.

Стучали мерно ходики в углу.
Здесь запахи безумия цвели:
Карболка, йод и плесень на полу.

Анатомический гнилой плакат
Смотрел со стен пустою бездной глаз.
И черепа изломанный фасад,
И схемы нервов — словно тайный лаз.
Раздался шаг, бесшумный, словно кот.
Из темноты шагнул нездешний муж.
Высокий рост, искривлённый чуть рот,
И в линзах луп — сиянье мёртвых стуж.

Его манишка пахла стариной,
Сюртук сидел, как на скелете фрак.
И он кивнул, маня меня рукой,
В свой кабинет, в свой бесконечный мрак.
«Бессонница? Иль флюс принёс вам ад? —
Спросил он тихо, словно без лица. —
Пожалуйте в мой скромный аппарат,
Избавим от мучений до конца».

Я сел. Скрипучий пыточный станок
Обнял меня, скрипя, как старый гроб.
Ремни змеёй скользнули возле ног,
И пот холодный оросил мой лоб.

Блестели в ряд изогнутые клещи,
Свёрла, крюки, кованый пинцет.
И мне казалось: неживые вещи
Шептали мне, что здесь спасенья нет.

Он взял иглу. Прозрачный мутный сок
Вонзил мне в вену, а не в плоть десны.
Я ощутил, как рвётся волосок,
Как тело падает в глухие сны.
Но разум жил! Проклятье, я был зряч.
Мои глаза смотрели в потолок,
Где надо мной склонялся мой палач,
Чей замысел был дьявольски жесток.

«Анестезия — это самообман, —
Пропел дантист, готовя свой металл. —
Вы в полном здравии. Вы здесь. Вы — мой капкан.
И ваш черёд служить мне, сэр, настал.
Вы думали, что зуб — лишь кость и прах?
О нет, мой друг, в корнях таится суть.
В них кроется животный древний страх,
В них памяти извилистый маршрут!»

Он вставил в рот мне расширитель свой.
Раздался хруст. Сустав покинул паз.
Крючок вонзился в нерв безмерно злой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.